

Анна Ланц

НЕВЕСТА МАГА
КОГДА ПАДАЕТ СНЕГ

Анна Ланц

Невеста мага. Когда падает снег

«Литнет»

2026

Ланц А.

Невеста мага. Когда падает снег / А. Ланц — «Литнет», 2026

Вот теперь я знаю точно: новогодние желания нужно формулировать максимально точно. Попросила сказки – получила. Только вместе со сказкой прилагаются: мачеха с коммерческой жилкой, говорящий рыжий кот с криминальными наклонностями и загадочный маг, за которого меня решили выдать замуж. Без моего согласия, разумеется. А я всего лишь хотела немного чуда и нормального мужчину. Хотя, если быть совсем честной, нашлись и плюсы. Это я симпатичном незнакомце с рынка. Только позволит мачеха нам видеться?

© Ланц А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	15
5	18
6	22
7	24
8	27
9	29
10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

1

Бойся своих желаний, они имеют свойство исполняться!

Ох, рассказал бы мне кто это раньше! Тогда бы не лежала сейчас, как дура, неизвестно где на холодном полу.

И, сердцем чую, все дело в зимнем шаре и этом глупом желании. А ведь так все хорошо начиналось...

Я бежала с работы, кутаясь в пальто от косого дождя, того самого, что так и норовит пробраться за шиворот. И это в середине зимы, знаете ли!

Настоящая зима, кажется, осталась где-то в моем детстве, где были сугробы по колено, морозные узоры на окнах и предвкушение чуда.

А сейчас сплошная серость, будто кто-то выключил яркость в городе. Да еще этот дождь!

Я поморщилась и прибавила шаг, хотя особо спешить было некуда. Дома меня никто не ждал. Поэтому я засиделась на работе. Начальник решил, что раз у меня нет личной жизни, то в последний день года на меня смело можно свалить все незакрытые задачи.

Ну а что, все равно никуда не торопишься, верно?

Самое обидное, что он был прав. Я планировала встретить Новый год с подругой, но та внезапно свалилась с температурой, передавая мне эстафету: «Встреть Новый год в одиночестве».

Я юркнула в узкую подворотню, пытаюсь срезать путь до дома. Да, торопиться мне было некуда, но и оставаться под косым дождем – удовольствие ниже среднего.

Внезапно передо мной возникла старуха.

Нет, честное слово, – еще секунду назад ее тут не было! И вдруг – бац – я чуть в нее не врезалась.

Старуха была одета в бесчисленное количество слоев одежды, так, что даже лица толком не было видно. Лишь длинный, крючковатый нос торчал наружу.

Она решительно преградила мне путь. Ко мне потянулась рука с длинными узловатыми пальцами.

– Подай на пропитание, дитятко. Праздник, а я без гроша в кармане... – прошамкала старуха беззубым ртом.

Обычно я придерживаюсь позиции «не подаю», так как верю, что большинство попрошайек – мошенники. Но тут... Даже не знаю, что на меня нашло.

Может, новогодняя сентиментальность, а, может, одиночество в канун праздника. Да, и сердце предательски пискнуло жалостью. Пожилой человек все-таки. Вдруг у старухи и правда дела совсем плохи?

В общем, руки сами собой потянулись к сумке, где покоилась недавно полученная премия. Я вытащила крупную купюру.

– Держите, бабуля. Здоровья вам. – Сказала я, готовясь проскользнуть мимо.

Но не тут-то было. Старуха схватила меня за рукав пальто. Хватка, надо заметить, у нее оказалась железобетонной.

– Подожди, дитятко. Вот это тебе, – она покопалась в одной из своих бесчисленных складок.

И достала... новогодний стеклянный шар. Знаете такой, что, если потрясти, внутри него начинает падать снег.

Только этот был странный. Там сидело какое-то непонятное чудовище: то ли лев, то ли грифон. То ли нечто между. Вокруг кружился хоровод снежинок.

– Но это непростой шар, – старуха, наконец, выпустила мой рукав и теперь трясла перед моим лицом пальцем. – Он волшебный! И ночь сегодня... особая. Потрясешь его и загадывай

желание. Только помни... – снова узловатый палец устремился в воздух. – Желание лишь одно. Так что думай хорошенько, что тебе на самом деле нужно.

– Ага, – выдохнула я, естественно, не веря ни единому слову.

Но шар машинально взяла и кинула в сумку.

Домой я вернулась насквозь мокрая, как болотная мышь. Если болотные мыши, конечно, существуют и вообще позволяют себе выходить в такую погоду без зонта.

Скинув одежду, я вползла в душ, чтобы смыть с себя декабрьскую хандру и остатки косого дождя.

Потом по законам жанра и воспитания, нарезала оливье. Ну правда, Новый год без оливье – все равно что Дед Мороз без бороды: вроде и праздник, но какой-то не такой.

Изначально я думала не дожидаться полуночи, но потом решила и эту традицию не ломать. И вот, когда куранты отгремели, а ночную мглу за окном начали рвать в клочья десятки фейерверков, в коридоре раздался глухой стук.

Я уже собралась нырнуть в кровать, но, нахмурившись, развернулась и пошла проверять.

На полу лежал тот самый шар.

Как он выпал из сумки – загадка. Сумку-то я точно закрывала. Я подняла его и покрутила в руках, наблюдая, как снежинки внутри весело вздрогнули от движения.

– Желание... – пробормотала я, вспоминая слова старухи.

А почему бы и не загадать? Хуже точно не будет.

Я подошла к окну, все еще вертя шар во все стороны.

– Что мне по-настоящему хочется? – спросила я себя вслух.

Первая мысль была простой и до боли честной: сказки. Как в детстве. Не этой бесконечной городской серости, а чего-нибудь волшебного, снежного, уютного.

Очередной фейерверк разорвал небо, озарив серый асфальт и черные лужи на нем.

– Хочется... чтобы снег был, все вокруг сказочное. А еще встретить человека... мужчину, – призналась я себе под треск петард. – Надежного, заботливого. Прямо как мама завещала...

Я усмехнулась своему набору пожеланий. Простенько, даже наивно, но зато от души.

Поставив шар на подоконник, я выключила свет и поплелась спать.

Мне показалось, что я не проспала и часа, когда меня разбудили вот так...

2

– Может, она... это... свалилась в голодный обморок? – чей-то голос прорезался в мое сонное и отчаянно сопротивляющееся сознание. – Гляньте, какая она у вас худая. – Не унимался голос, заставив меня поморщиться.

Я определенно еще не выпалась и собиралась вновь провалиться в дрему, несмотря на странный вопрос.

– Нет, никакой это не обморок, – отозвался кто-то еще, явно менее сочувственный. – Она вечно у нас паясничает. Не девица, а сплошное наказание.

И тут произошло то, чего я точно не ожидала. И что окончательно развеяло иллюзию, что голоса стихнут, а я еще сладко посплю.

Мне вlepили пощечину.

Звонкую. Болезненную.

Такую, что челюсть свело.

От этой наглости я распахнула глаза. Сон как рукой сняло. Никакого кофе не понадобилось. И тут я увидела... такое, что любой ночной кошмар оказался бы более логичен.

Надо мной склонились двое.

С одной стороны возвышалась дородная тетка. На ней было платье, уходящее в пол бесконечными, тяжелыми складками. Корсаж стянул ее пышную грудь так туго, будто его затягивали вдвоем, с искренней нелюбовью к ее ребрам. Рукава были с оборками, кружевами и еще чем-то, что вышло из моды... пару веков назад.

С другой стороны торчала голова лысенького, толстенького мужичка. На нем были штаны, похожие на те, что я видела на музейных манекенах.

Камзол, едва сходящийся на внушительном пузе, был украшен позолоченными пуговицами, которые явно страдали под давлением обстоятельств. А на ногах незнакомца красовались высокие сапоги, начищенные так фанатично, что в них можно было бриться.

И среди всего этого великолепия лежала я. Прямо на полу.

– Лиза, немедленно поднимайся! – рывкнула тетка так, что воздух вокруг дрогнул.

Я приподнялась на локтях и с большим сомнением уставилась на нее. Настроение у дамы было, мягко говоря, не праздничное, а я, судя по всему, раздражала ее одним фактом своего существования.

Но что меня встревожило сильнее: она знала мое имя. Но откуда?

Может, вчера... я попала на какой-то новогодний маскарад? Или уснула в каком-нибудь театральном закулисье?

Мысли были так себе, но среди доступных – самыми логичными.

А не помню я все это, так как упала и потеряла память.

Я подняла руку и пощупала голову. Должна быть шишка. Восхитительная, пульсирующая, как символ Нового года.

Но шишки не было.

Зато то, что было – заставило меня забыть, как дышать.

Мои руки.

Тонкие, белоснежные девичьи пальцы. Изящные, длинные, с аккуратно подстриженными ногтями. Таких у меня отродясь не водились. И где мой ярко-красный маникюр?

И платье...

На мне было что-то с длинным рукавом. Ткань плотная, добротная и... коричневая. Я же этот цвет терпеть не могла. Последнее, что я помню: я натянула на себя шелковую розовую сорочку на тонких бретельках.

А теперь... это.

– Лиза! Немедленно поднимайся! – повторила тетка и, не дожидаясь моей реакции, слегка пнула меня носком башмака в бедро.

Легонечко, но достаточно выразительно, чтобы я поняла: она может сильнее.

– Осторожно, сударыня, осторожно, – пробурчал толстячок, наклоняясь ко мне.

Он кряхтел, сопел, но протянул руку, чтобы помочь мне подняться.

– Вот так вот, милая...

Я позволила себя поднять. Скорее от шока, чем от доверия.

– Понимаю, процедура волнительная, – продолжил он тоном, каким говорят с капризными детьми. – Вы переволновались, вам стало худо... Но ничего страшного. Ни вы первая, ни вы последняя.

Он широко улыбнулся.

– Немного вашей крови, и я двинусь в следующий дом.

Тут я не выдержала и подала голос. Тоненький, дрожащий, явно принадлежавший не мне.

– К-крови?

Честно говоря, по-хорошему мне стоило спросить: «Кто вы такие?», «Где я?». Ну, или на худой конец: «На каких основаниях вы меня пинаете?». Но нет.

Толстяк в камзоле так меня впечатлил со своей кровью, что остальные вопросы встали в очередь и решили подождать.

И тут я заметила в его руках предмет.

Что-то похожее на гибрид хирургического скальпеля и ритуального кинжала. У инструмента было тончайшее, почти невидимое лезвие, выгнутое, как кошачий коготь.

Я всхлипнула и отступила.

Нервы все-таки сдали.

– А, зачем, вы говорите, вам моя кровь?

Толстяк улыбнулся. Широко. Так улыбаются только очень добрые люди, которые собираются сделать что-то очень нехорошее.

– Милая, – продолжил он тем же ласковым тоном, что и прежде. – Мы берем кровь у всех девушек нашей провинции.

– И зачем?

– Вдруг повезет, и одна из претенденток окажется подходящей.

– Подходящей для чего? – не сдавалась я в своем допросе.

– Для того чтобы стать невестой мага.

Мага.

Вот тут я окончательно перестала понимать, что происходит. Значит, либо я еще сплю... Либо попала к каким-то сумасшедшим... Либо... мое желание сбылось, и я оказалась в сказке.

Осознание холодным потом пробило спину. Только что-то больно уж сомнительной казалась эта сказка.

– Мам... – вдруг раздалось из угла.

До этого я даже не подозревала, что в комнате есть кто-то еще.

Бархатное кресло, стоящее напротив потрескивающего камина, тихо скрипнуло, и оттуда поднялась девушка лет двадцати.

Она посмотрела на меня так, будто я лично испортила ей жизнь. А вдруг и правда испортила? И не помню?

Девушка повернулась к толстяку, застывшему со скальпелем в руках.

– Господин распорядитель, позвольте мне первой сдать кровь. Иначе... – она смерила меня взглядом, полным безразличия, – из-за моей сестрицы мы тут до завтра застрянем.

Господин распорядитель.

Ну все, я точно в исторической драме.

Девушка, которая назвалась моей сестрой, прошествовала в нашу сторону. Я невольно загляделась. Больно уж красиво было платье на ней. Лиф, юбка, оборки – все идеально до последней складочки.

– Вот и правильно, Норелла, – довольно закивала ее мать. – А на Лизу, господин распорядитель, вы не обращайте никакого внимания. Она у нас с детства слаба умом.

Норелла изящно протянула руку ладонью вверх. Кружевная манжета взметнулась, демонстрируя изящное белоснежное запястье.

Распорядитель кивнул и вновь поднял свой инструмент.

Скальпель сверкнул в воздухе, а я, не выдержав, зажмурилась.

3

Секунда. Другая. Никаких криков.

Приоткрыв один глаз, я увидела: распорядитель едва коснулся тончайшим лезвием указательного пальца Нореллы. На коже выступила аккуратная алая капля.

Распорядитель сразу поднес к ней платок, белоснежный, как из рекламы отбеливателя. И все в комнате затаили дыхание.

Мы смотрели, как красная точка расплывается, оставляя на ткани крохотное пятнышко, похожее на след от вишневого сока.

– Ну, вот и все, – наконец, провозгласил распорядитель. Голос его стал бодрее и веселее. – Вы нам не подходите!

Норелла и ее мать облегченно выдохнули.

Распорядитель повернулся ко мне:

– Ну, Лиза, давайте теперь вы, не бойтесь. Видите – совсем ничего страшного.

Говорил он со мной так, словно уговаривал ребенка выпить ложку горького сиропа от кашля. Действие неприятное, но нужное.

Я кивнула. Капля крови... что мне жалко, что ли? Вон Норелла довольно тряхнула своими шикарными каштановыми волосами и уже снова устаивается напротив камина.

Я протянула руку, стараясь заглушить колкое чувство внутри.

Скальпель вновь взмыл в воздух, тонко сверкнув стальным лезвием, и коснулся подушечки моего указательного пальца.

Я машинально зажмурилась, ожидая хотя бы легкого укола... но ничего. Ни боли, ни дискомфорта, будто скальпель был волшебным.

Но кровь, конечно же, выступила: маленькая, алая бусинка.

Распорядитель ловким движением, словно фокусник, достал новый белоснежный платок и приложил его к ранке.

Я облегченно выдохнула. Ну все. Самое странное позади.

Но нет.

Капля крови, расплываясь по белой ткани, начала... меняться. Красный оттенок ушел, и теперь пятно переливалось холодно-голубым. Еще через мгновение на платке проступил замысловатый узор: переплетение тончайших линий. Это было похоже на снежинку.

В комнате воцарилась звенящая тишина.

Распорядитель поочередно переводил взгляд то на меня, то на платок, то на тетку. Даже Норелла, до этого равнодушно смотрящая на огонь, теперь уставилась на меня с расширенными от шока глазами.

– Госпожа Аннабелла... вы же понимаете, что это значит? – осторожно произнес распорядитель, глядя на тетку.

Та нервно облизнула пересохшие губы и медленно кивнула.

– Лиза... подходит для того, чтобы стать женой мага, – распорядитель все же проговорил очевидное вслух. Интонация получилась почти траурной.

Он посмотрел на меня с такой жалостью, будто объявил смертный приговор. От этого взгляда у меня похолодели ноги.

А вот Аннабелла смотрела иначе... Глаза ее ярко блеснули, в них вспыхнул алчный огонек. Словно ей только что сообщили о неожиданном наследстве.

– Но... – она сделала осторожный шаг к распорядителю, – нам же за это... полагается, верно? Я отдаю свою дочь неизвестно кому. За это должны заплатить.

Даже не знаю, чего я испугалась больше в этот момент. То ли заявления, что эта неприятная женщина – моя мать. То ли того, что меня, вот так без моего согласия, решили отдать замуж за неизвестного мага.

Причем, судя, по тому, как распорядитель смотрел на меня: с вязкой, неприкрытой жалостью, – маг был ну совсем так себе кандидат.

– Да-да, конечно, – распорядитель закивал, глядя на Аннабеллу. – Маг – человек богатый и... весьма щедрый. Он заплатит вам хорошее приданое за Лизу. Только вы должны понимать... – он нерешительно посмотрел на дверь, – я обязан завершить обход. Вдруг в вашей провинции найдется еще одна подходящая девушка. Тогда маг будет... выбирать.

Аннабелла недовольно подбоченилась. Видимо, мысленно она уже тратила приданое.

– Шансы на подобное ничтожно малы.

– Да, – распорядитель задумчиво кивнул, – признаться, я не ожидал, что мне удастся отыскать хотя бы одну такую девушку. – На последних словах его взгляд снова упал на меня, и там опять плеснулась жалость.

Такая, что захотелось заорать. Что я, собственно, и решила сделать:

– А меня кто спросил?! Может, я вообще замуж не хочу?

Реакция оказалась потрясающей в своем единодушии: ее не было.

Норелла только насмешливо хмыкнула, будто услышала старую шутку, от которой ей давно скучно. И даже глаз от камина не отвела, продолжила смотреть на пляшущие язычки.

Распорядитель покачал головой, словно я была непослушным ребенком, что отказывается есть кашу.

А Аннабелла – моя «матушка» – одарила меня взглядом, от которого бы завяли цветы, и процедила сквозь зубы:

– Не обращайтесь внимания. Я же говорила, она слаба умом.

Вот тут я окончательно поняла: мне эта сказка не нравится!

– Господин распорядитель, а давайте чайку? – засуетилась матушка, стараясь не выдать своего волнения. – Дорога у вас дальняя. Вы, наверное, устали.

Она угрожающе приблизилась к гостю.

– А ты, Лиза, иди к себе.

Подбородком она указала на лестницу.

– Нечего тут свои уши развешивать. Нам с господином распорядителем нужно много всего обсудить.

Распорядитель неловко потоптался с ноги на ногу, но потом решил, что спорить с женщиной вроде Аннабеллы себе дороже, и затравлено кивнул.

– Ну... – он кашлянул. – Можно и чайку.

Я же, сжав губы, послушно поплелась к лестнице. Голова гудела от мыслей: кровь, маг, приданое... Что здесь вообще происходит?

– И вот еще, Лиза! – хлесткий голос матушки застал меня четвертой ступеньке.

Я замерла и медленно развернулась. Аннабелла стояла, скрестив руки и подперев пышную грудь.

– Даже не помышляй о побеге. У мага теперь есть твоя кровь. Он сможет тебя найти. Где бы ты ни была. Ты теперь его невеста.

Она обернулась к распорядителю, желая получить официальное подтверждение ее слов.

– Так ведь, господин распорядитель?

Тот вздрогнул, словно его застали за чем-то нехорошим. Сжал в руках платок с моей кровью: уже высохшей, но все такой же голубой. Сглотнул, посмотрел на меня с тревогой, на Аннабеллу с опаской, и тихо произнес:

– Думаю... да.

И это тихое «да» почему-то прозвучало для меня оглушительно громко.

Я поднялась на второй этаж и остановилась, пытаюсь понять, куда идти. Длинный коридор, обои в блеклый цветочек, темный паркет и пять одинаковых дверей.

Я по очереди открыла каждую. За одной пряталась уборная, за другими – спальни. Все комнаты аккуратные, но безликие. Ни одна не вызвала ощущение *моей*.

Растерянно застыла посреди коридора. Какая же моя?

И тут позади раздался голос – тягучий, недовольный. Как будто кто-то ворчит, что его посмели разбудить раньше полудня.

– Ну что застыла? К *себе* велено идти.

Я резко обернулась. Но никого не увидела.

Никого, кроме... толстого рыжего кота с самодовольной мордой.

Я ошарашенно моргнула, потрясла головой. Ну не мог же кот говорить? Хотя... Неужели я еще чему-то сегодня удивляюсь?

– Ты что... говорящий? – все же осторожно уточнила я.

Кот лениво поднял глаза. В них читалось что-то между: «ты серьезно?» и «О, Господи, дай мне сил».

– Говорю нечасто. И исключительно по делу. Но до сих пор меня никто не слышал. Даже ты. Видать, то, что ты теперь невеста мага благостно подействовало на твои уши.

Вот оно как...

Кот поднял свою короткую, толстую лапку и начал ее усиленно вылизывать.

– Слушай... ты знаешь, какая из комнат моя?

Рыжий перестал мыться и посмотрел на меня так, словно я спросила, с какой стороны обычно восходит солнце и не пора бы поменять эту традицию.

– Ну точно, слаба умом, – вздохнул он. – Ты ж на чердаке живешь. Вот и лезь туда.

И, вскинув хвост, важно потопал к лестнице, явно уверенный, что я последую за ним. Собственно, так я и сделала.

Чердак встретил меня горой ненужного хлама. Но грязи тут не было. Видно, девушка, в чьем теле я оказалась, убиралась старательно. И все же назвать это «комнатой», язык все равно не поворачивался.

На голом, деревянном полу лежал тонкий матрас, скорее похожий на подстилку для собаки, чем на ложе для человека. Рядом стояла покосившаяся тумбочка, державшаяся не то на честном слове, не то на последнем гвозде.

Свет проникал через небольшое, круглое окошко. И хватало его, света то есть, лишь чтобы едва различать предметы.

Но хуже всего был холод. Пронизывающий.

Здесь было ощутимо прохладнее, чем внизу. Будто весь дом старательно обогревали, а про чердак забыли.

Я поежилась, обняла себя за плечи и выдохнула:

– Значит... здесь я живу.

– Ага, – довольно подтвердил рыжий, прошмыгнув мимо меня.

Он уселся на матрас.

– Весьма неплохо... если ты таракан. Правда, и они последнее время отсюда посбегали.

Я скосила глаза, но вступать в перепалку с ним не стала – не до этого. Прошлась по чердаку, осматривая нагромождение хлама: тряпки, коробки, какие-то сломанные игрушки.

Наконец, среди этого хаоса, я нашла то, что мне было очень нужно: небольшое зеркало.

Старое, мутное, с длинной трещиной, протянувшейся от одного края к другому. Вместе с ним я подошла поближе к окну, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

Затаила дыхание и взглянула в отражение.

Из зеркала на меня смотрела худая девушка лет двадцати. Светлые волосы были заплетены в длинную косу, но коса выглядела так, будто ее заплетали в спешке: небрежно, с выбившимися прядями.

Лицо... красивое. Даже очень. Но на этой красоте лежал тяжелый отпечаток усталости. Под глазами глубокие тени. Щеки впали, скулы выпирали так, как не бывает у тех, кто нормально питается.

Кожа бледная, губы сухие и обветренные.

Я провела пальцем по лицу, словно проверяя, что оно действительно теперь мое. Отражение послушно повторило движение.

Мое.

Интересно, а что произошло с предшественницей? Если я в ее теле... значит, ее душа, вероятно, уже ушла. Не удивительно, от таких жилищных условий и обращения.

Я медленно развернулась. Рыжий нахал уже полностью занял мою подушку.

– Рассказывай. Эта неприятная тетка снизу... действительно моя мать?

Кот поднял на меня глаза. Прищурился так, что стало понятно, что в этот момент он оценивает уровень моего умственного здоровья.

Пока я вновь не услышала, уже успевшую набить оскомину, фразу про «слаба умом», быстро добавила:

– Ничего не помню. После того как распорядитель взял у меня кровь... все прошлое отшибло.

Вдаваться в подробности о том, что прошлое у меня было другое, я не стала. Слишком много чести для рыжего.

Кота объяснение удовлетворило. Он деловито кивнул.

– Память потеряла, значит. Бывает. Вон у меня знакомый из соседнего двора сбегал от дворняги и врезался в забор. И тоже... того. Ничего не помнит.

– Это все, конечно, замечательно. То есть... печально. Но давай ближе к делу.

Кот недовольно прищурился.

– Хорошо, расскажу... но только при одном условии.

– Что еще за условие?

– Отныне ты будешь звать меня... – он сделал значительную паузу, – Василий Великий.

Я фыркнула так громко, что с потолка посыпалась пыль.

– Смею заметить, что великого в тебе только лишний вес.

Рыжий резко захлопнул рот, вновь сужая глаза в обиженную щелочку.

– Ну, не хочешь знать правду, так и скажи.

Он демонстративно отвернулся.

– Ладно, ладно. Василий Великий, – подчеркнуто покорно повторила я. – Выкладывай свои откровения.

Кот деловито сел, распушил хвост, словно все это время хранил важную государственную тайну, и вот, наконец, готов ее раскрыть. Торжественно произнес:

– Это женщина – не твоя мать.

Я снова фыркнула.

– Я уже начала это подозревать.

Кот медленно кивнул, будто соглашаясь с мудростью вселенского масштаба, и продолжил:

– Ты ее племянница. Ее родная сестра умерла родами. Отца у тебя не было, по крайней мере, никто его не видел. Вот тетушка Аннабелла и взяла тебя к себе, – тут Великий выразительно закатил глаза, – по доброте душевной.

– По доброте душевной, – хмыкнула я, вновь оглядывая чердак. – И судя по всему, в качестве бесплатной служанки.

– Не без этого.

Я поежилась. Сквозняк вновь прошелся вдоль спины. Хотелось завернуться во что-то теплое, а еще лучше уйти из этого негостеприимного места и никогда больше сюда не подниматься. Ладно, с этим мы еще разберемся.

Сперва информация...

– Ладно, Васька. С Аннабеллой и сестрицей все понятно. Рассказывай, что там за маг такой...

– Не Васька я. Василий Великий.

– Хорошо, хорошо, – я вскинула руки в примиряющем жесте, пока рыжий нахал окончательно не обиделся. – Василий Великий, милейший мой, раз уж вы мой единственный источник знаний, соизвольте рассказать, что за маг такой. За которого меня выдают.

Кот довольно кивнул и, устроившись поудобней, явно приготовился к самой драматичной части истории.

4

Василий Великий прочистил горло, вздыбил грудь.

– Маг, – начал он мрачным тоном, – это... особа весьма устрашающая. Старик такой, лет этак сто двадцать. Лысый, как колено после бритвы. Нос – крюком, такой загнутый, то им, если постараться, двери открывать.

Я поперхнулась воздухом.

– Ого...

– На завтрак у него... – кот ненадолго задумался, – сырые лягушки. Прямо живьем. Знаешь, вот так хрум-хрум. А потом... – кот хищно прищурился, – он их заедает червяками.

– Ты уверен?

– Конечно. Диета у него такая – магическая.

Я в ужасе уставилась на кота, а тот, наслаждаясь произведенным эффектом, продолжил:

– А еще... он своим толстым картофелеобразным носом за версту чует гниль и идет туда, чтобы как следует надышаться и...

– Подожди, – перебила я. – Ты же сказал, нос у него крючковатый.

Василий застыл. Медленно моргнул.

– Ну... он... крюковато-картофелеобразный.

– Какой?

– Понимаешь, редкое строение, – отчеканил кот. – У магов такое бывает.

Я нахмурилась, чувствуя, как в голове зарождается подозрение.

– Василий Великий... ты вообще его видел?

Кот слегка поерзал, отвел взгляд.

– Нет.

– А откуда тогда ты все это взял?

– Люди говорят!

– Какие еще люди?

– Да разные! – Василий недовольно повил хвостом. – Пекарь говорил, что маг седой, как мука, и питается одними сухарями. Сапожник утверждал, что он лысый и «старый, как подавленный ботинок». А бабка с рынка уверяла, что у мага длинная коса и он питается исключительно солнечным светом... Хотя бабка, если честно, тоже была слегка странная.

Я уставилась на кота тяжелым взглядом.

– Но, если подумать, – заключил Василий, – никто из них его собственными глазами не видел. Там то ли двоюродный брат свата, то ли троюродная сестра шурина его встречала...

Больше ничего у Василия я выведать не успела. Снизу, будто разъяренная гусыня, заорала Аннабелла:

– Лиза! Лиза, срочно иди сюда!

Я тяжело вздохнула и поплелась вниз.

Матушка стояла возле камина, довольно подбоченившись.

– Ну вот, – многозначительно протянула она, – с господином распорядителем мы все обсудили, и он уехал проверять других девушек. Но, как ты сама понимаешь, едва ли еще найдутся подходящие. Поэтому можешь уже смириться с мыслью, что невестой будешь ты.

– А чем плохо быть невестой мага? – спросила я, решив, что, может, хоть Аннабелла, что толковое расскажет.

Матушка внимательно посмотрела на меня. Мне даже показалось, что в ее глазах мелькнула тень жалости... но тут же исчезла.

– Лиза, что за ерунду ты спрашиваешь? – отмахнулась она. – Не забивай себе голову и собирайся на рынок.

– На рынок?

– У нас такой замечательный повод! Купи еды и приготовь нам праздничный ужин.

– Я бы не отказалась от томленного мяса, – подала голос Норелла, которая все еще сидела, развалившись в кресле.

– Купи продуктов. Про муку не забудь. Испечешь нам что-нибудь к чаю. Сегодня у нас праздник. – Воодушевленно продолжила матушка.

Ага, праздник. Сосватали меня за мифического монстра – и праздник.

Аннабелла резким движением отодвинула один из шкафчиков и достала горсть монет. С тяжелым вздохом вложила мне их в руку.

Матушка определенно не любила расставаться с деньгами.

– Сдачу принесешь, – холодно сказала она. – Давай, пошевеливайся. Уже смеркается, скоро на рынке все разойдутся. – И недовольно добавила: – Тебе еще на кухне возиться.

Можно было поспорить с Аннабеллой. Признаться, руки чесались, язык тоже. Но я решила повременить. По крайней мере, пока.

Мне и самой не терпелось выйти на улицу, осмотреться, чтобы понять, куда меня занесло. В душе еще теплилась крошечная надежда, что все это какой-то особенно жестокий новогодний розыгрыш.

Я вышла в небольшой коридор. Хотя называть это полноценным коридором язык не поворачивался. Тесное вытянутое помещение с низким потолком и крючками в два ряда. На них висела одежда. Много одежды: от меховых накидок до плащей, словно в доме проживала театральная группа.

Вдоль стены выстроились сапоги, башками, туфли. Некоторые пары, казалось, хранили немало историй.

Я растерянно огляделась, пытаюсь понять, что может быть моим. Руки самой собой потянулись к изящной белоснежной шубке.

– Ага, конечно, – раздалось снизу. – Губу закатай.

Я опустила глаза. Василий Великий снова снизошел до разговора со мной.

Рыжий гордо прошествовал вдоль обуви, а затем решительно ткнул носом в пару ботинок... если их вообще можно было назвать ботинками. Скорее, два грустных нечто. Подошва отошла, кожа потрескалась, шнурки протерлись до ниток.

– Вот. Твое. – Сообщил кот.

– Мне стоило догадаться, – проворчала я, окинув взглядом остальную обувь.

Рядом красовались невысокие сапожки с меховой опушкой. Наверняка Нореллы.

Я вздохнула и натянула ботинки на ноги. Ну что ж, пальцы не торчат наружу, и на том спасибо.

Дальше – пальто. Василий Великий деловито указал на серо-коричневое чудо, подбитое мехом. То есть, когда-то подбитое. Мех местами вылез, местами скатался.

– Это тоже твое. Видно же.

– Сложно не согласиться, – пробурчала я, натягивая тряп... то есть пальтишко.

Сверху обмоталась шерстяным шарфом, от которого голова зачесалась в трех местах одновременно. В зеркале я наверняка выглядела как «благородная нищенка на выезде». Но его тут не было, поэтому все свое великолепие я оценить не смогла.

Я уже взялась за дверную ручку, готовая вынырнуть в холодный уличный воздух, когда за спиной раздалось недовольное:

– А корзину, простите, Василий Великий тащить должен?

Я обернулась. Рыжий стоял, недовольно задрав хвост.

– Корзину... – повторила я.

В углу стояли три плетеные корзины. Одна маленькая, как для прогулки за ягодами. Одна среднего размера. И одна... огромная, явно рассчитанная на недельный запас еды для очень голодной семьи.

Ее я и выбрала. Больше, как говорится, не меньше.

– Покажешь дорогу до рынка? – спросила я рыжего, который определенно был не прочь прогуляться.

Кот, явно ждавший этой просьбы, деловито расправил усы, состроил морду особой важности. Я едва удержалась от смеха.

– Хм... Ну... – задумчиво протянул он, глядя в потолок. – Вообще-то, я занятой кот. У меня много дел. Очень много. Я личность общественно значимая. Да и домашние мыши все на мне.

– Понимаю, – кивнула я, стараясь не расхохотаться.

Василий Великий еще несколько секунд выдерживал драматическую паузу, чтобы показать, как тяжело ему дается это решение. Затем снисходительно кивнул:

– Ладно уж. Пойдем. Покажу тебе дорогу до рынка, раз уж ты без меня пропадешь.

– Спасибо.

– Да-да, благодарность – это важно, но я ее лучше мясом отдавать. Сметаной, на худой конец. – Василий Великий гордо зашагал к двери. – И не отставай. Я быстро хожу.

И, будто подтверждая свои слова, рыжий наглец выпрыгнул наружу так стремительно, что мне пришлось его догонять.

5

Стоило переступить порог, как я поняла: никакой это не розыгрыш!

Я оказалась на узкой улочке, что тянулась вдоль ряда двухэтажных домов. Из труб выползал густой дым, отчего воздух пах вкусным древесным дымком.

Сразу захотелось чашку горячего чего-нибудь и печеньку вприкуску.

Небольшие придомовые территории утопали в мягких сугробах, а напротив моего стоял снеговик. Совсем как из моего детства – с морковкой вместо носа и палками вместо рук.

Огромные снежинки плавно кружились в воздухе, и я, как замороженная запрокинула голову вверх, не веря, что попала в такую настоящую, хрустящую зиму.

– Чего рот разинула? Снега никогда не видела? – проворчал Василий у моих ног. – Пошли давай.

Он важно фыркнул и, смешно переваливаясь с лапы на лапу, засеменил вперед с удивительной для такого телосложения скоростью.

Мне пришлось почти бегом догонять своего пушистого проводника. И все же я успевала крутить головой. Оторвать взгляд от зимних улочек было невозможно.

Дома были украшены хвойными ветвями и яркими лентами. Видимо, здесь тоже были новогодние праздники.

Сугробы переливались в неярком зимнем солнце, дети играли в снежки, а из лавок пахло то свежей выпечкой, то жареным мясом, то какао.

– Шагай быстрее, – напоминал рыжий не оборачиваясь. – Рынок сам себя не посетит.

И вот улочки внезапно расширились, открывая пространство, полное жизни.

Рынок гудел, как растревоженный улей: люди сновали туда-сюда, торговцы наперебой зывали покупателей, кто-то спорил о цене, кто-то громко смеялся. Куча лавок, телег, прилавков, навесов, под которыми висели связки трав, стояли корзины с овощами и мешки с крупами.

Я выдохнула: шумно, восхищенно. И впервые действительно обрадовалась, что Василий вызвался меня провожать. Без него я бы здесь заблудилась в первые десять секунд.

Вслед за котом я прошла вглубь рынка. Глаза разбегались: все непривычное, но такое... живое.

– Давай начнем с самого скучного, – важно произнес Василий, вышагивая по овощному ряду.

Я всегда любила готовить, поэтому привычно стала выбирать продукты, ориентируясь на свой вкус. Взяла десяток крепких картофелин, лук с толстой шелухой, пару ярких морковин.

– Нечего тут выбирать. Быстрее давай. – Торопил меня рыжий. Его хвост то и дело недовольно подрагивал.

У милой старушки, сидящей в вязанном платке, я взяла мешочек с сушеной зеленью. Старушка беззубо улыбнулась и пожелала мне «светлого неба», что здесь, видимо, считалось чем-то вроде пожелания удачи.

– Так, – важно заявил Василий, когда с овощами было покончено, – сейчас нужно взять рыбов.

– Рыбов? – переспросила я, стараясь не рассмеяться.

– Да, рыбов, – подтвердил мохнатый с полным достоинством. – Рыбов много не бывает. Рыбов любят все. Особенно такие замечательные, талантливые, выдающиеся личности, как я.

– Конечно, – кивнула я, едва удерживая серьезность. – Как же иначе.

– И не вздумай покупать мало рыбов, – настаивал кот, пока мы шли к рыбным рядам. – Это преступление против хорошего ужина. И против меня.

Мы подошли к прилавку, где лежали свежие серебристые туши. Торговец, дородный мужик в шерстяной шапке, показался мне приятным человеком:

– Девушка! Только гляньте! Еще с утра в прорубе плавала! Свежайшая.

Я наклонилась, рассматривая рыбину, которую он мне протянул, но тут Василий негромко мявкнул, обращая на себя внимание:

– Скажи ему, пусть покажет вон ту дальнюю. Самую дальнюю. За разделочной доской.

– А зачем? – прошептала я.

– Не спорь. Так надо.

Решила послушаться.

– Можно... ту? – спросила я, чувствуя себя немного глупо.

– Ту? – торговец удивленно приподнял бровь. – Ладно.

Он отвлекся на дальний конец прилавка, доставая мне рыбу.

И вот тут состоялось это.

Молниеносно. Бесшумно. И абсолютно преступно.

Рыжая тень лишь успела мелькнуть и – хоп! – маленький окунь с края прилавка исчез в зубах Василия. Кот шмыгнул под мою юбку, а потом и вовсе растворился в толпе.

Я замерла.

– Что-то еще показать? – поднял голову торговец.

– Э-э-э, нет. Я, пожалуй, возьму ту, первую... – Выдавила я, ощущая, что только что стала пособницей кота-ворюги.

Когда я расплатилась с торговцем и отошла от прилавка, Василий Великий возник из-за какой-то бочки. Абсолютно довольный собой, нагло-надутый и... уже без окуня.

Судя по блаженной физиономии, он успел съесть добычу и теперь пребывал в состоянии гастрономического счастья.

– Василий, – недовольно прошипела я, – ты хоть понимаешь, что я только что стала соучастницей кражи?

– Не драматизируй. Я взял маленького рыбенка. Это как налог с продавца за обслуживание.

– Это воровство!

– Нет, – рыжий невозмутимо вышагивал, высоко задрав хвост, – это... кошачья традиция. Идем, у нас еще покупка мяса впереди.

По дороге к мясным рядам я все же решила провести воспитательную беседу.

– Василий Великий, – начала я сурово, – воровать плохо. Очень плохо. Ясно тебе? Великие личности так себя не ведут.

Рыжий недовольно фыркнул.

– Я – образец благородства, – проворчал он. – А маленький рыбенок – это не воровство, это... символ удачи в новом году.

– Это символ того, что ты жулик. И слушай сюда: у мясника не вздумай ничего красть. Ни крошки. Ни кусочка. Ни жилки. Понял? Если попробуешь – получить от меня... метлой. И даже не сомневайся – рука не дрогнет.

Василий обиженно повернул голову.

– Раньше ты не была такой злой.

– Раньше не была. А теперь стала.

– Нехорошо меняться в худшую сторону, – буркнул кот, ускоряя шаг.

Но, кажется, мои слова все же воспринял всерьез. Хоть хвост по-прежнему стоял трубой, а походка оставалась горделивой. Да и самодовольство с морды никуда не пропало.

Мы подошли к мяснику, и в отличие от жизнерадостного торговца рыбой, этот тип приятным мне не показался. На его лице застыло хитрющее выражение: почти такое же, как у Василия, только без очарования и длинных усов.

– Выбирайте, все свежее! – расплылся мясник в улыбке, от которой мне почему-то стало не по себе.

Он широким жестом указал на прилавок, где лежало невероятное количество кусков мяса. От крупных и сочных до костлявых.

– Только сегодня разделал, – заверил мясник, наклоняясь ко мне чуть ближе, чем хотелось бы. – Можете нюхать, трогать, выбирать.

Я настороженно осмотрела прилавок. Некоторые куски действительно выглядели неплохо, хотя были и те, что просились быть похороненными с почестями как можно скорее.

Справа выразительно облизнулся Василий. Я покосилась на него и прошипела:

– Даже не помышляй.

Рыжий сделал вид, что смертельно оскорблен моим недоверием, и демонстративно отвернулся к бочке с солониной.

– Ну что, сударыня, – продолжил мясник, – какой кусочек приглянулся?

– Этот, – сказала я, ткнув пальцем в приличный на вид кусок мяса.

Мясник расплылся в такой широкой и довольной улыбке, что я невольно насторожилась:

– Хорошо-хорошо, сейчас заверну...

Он уже потянулся к бумаге, когда у меня за спиной раздался бархатный голос:

– Не советую.

Я вздрогнула и обернулась.

Голос спокойно продолжил:

– Не смотрите на цвет. Здесь явно не обошлось без хитрости. Этот кусок далеко не первой свежести.

Мясник перекосялся и выглядел так, будто вот-вот начнет пускать пар из ушей.

– Да что вы говорите... – пробурчал он. Взгляд в сторону «советчика» выдавал в нем крайнюю степень раздражения.

А я, повернувшись, застыла.

Рядом стоял высокий, красивый брюнет. Черные, чуть взъерошенные волосы, были припорошены снегом. Высокие скулы, прямой нос, темные брови и ярко-голубые глаза, которые смотрели внимательно и почему-то чуточку насмешливо.

Одет незнакомец был просто: серый подбитый мехом длинный кафтан, перехваченный кожаным поясом и высокие сапоги.

Я потеряла дар речи на целую секунду. Ладно... на целых пять секунд. Слишком уж хорош оказался незнакомец.

– Вам стоит выбрать другой кусок.

Я рассеянно кивнула.

– Что стоишь, как громом пораженная? – раздалось снизу возмущенное Васькино шипение. – Видно же, мужик толковый, в мясе понимает. Не то, что ты раззява. Спроси, какой кусок!

Мне показалось, или в глазах незнакомца на мгновение мелькнула искорка смеха?

– Какой кусок... посоветуйте? – послушно повторила я за Василием.

Незнакомец склонился над прилавком, внимательно окинул взглядом товар и указал пальцем:

– Например, вот этот.

Судя по тому, как мясник нервно сглотнул, выбор был идеальный.

– Заверните, пожалуйста, – сказала я, отсчитывая монеты. – Спасибо за помощь. – Поблагодарила я незнакомца, когда мясо перекочевало в корзину.

Я развернулась, собираясь идти дальше, но он вдруг шагнул наперерез.

– Позвольте, я провожу вас до дома. Кажется, эта корзина слишком тяжелая для такой хрупкой девушки.

Он даже не дождался согласия, просто легко перехватил корзину из моих рук. Я растерянно моргнула.

– Даже не знаю...

– Соглашайся, – тут же встрял Василий. – Когда что-то предлагают, отказываться – верх глупости. Вот я, например, никогда не отказываюсь от лишней порции сметаны. Даже если она позавчерашняя или с чужой тарелки.

– Вам что-то еще нужно купить? – словно не замечая моих сомнений, уточнил незнакомец.

– Нет... То есть да! Мне нужна мука. На пирог.

– Мука? Отлично. Пойдемте, это в соседнем ряду.

Брюнет широко улыбнулся и уверенным шагом направился вперед. Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

6

Когда мука была куплена, мы, наконец, вырвались из шумных рыночных рядов. Гул голов остался позади, и я облегченно выдохнула.

Мы шли по улице бок о бок. Впереди, высоко задрав хвост, семенил Василий Великий. Зимний вечер наступил рано: фонари уже зажглись и теперь отбрасывали теплый янтарный свет, в котором медленно кружились крупные снежинки.

– И кому я обязана за помощь? – спросила я, украдкой разглядывая помощника-красавца.

Он повернулся, и на его лице появилась такая улыбка, от которой мое сердце забилося быстрее.

– Меня зовут Мирлай. А вас?

– Тебя, – поправила я. – Ко мне можно на «ты». Я Лиза.

– Лиза... – он тихо повторил мое имя.

От этого простого звука стало почему-то теплее, несмотря на морозец, пробирающийся под воротник.

Василий демонстративно фыркнул.

– Мирлай, ты всегда помогаешь незнакомым девушкам на рынке?

– Только тем, у кого корзины больше, чем они сами. И тем, на кого мясник смотрит так, будто вот-вот обманет.

– Он бы и обманул, – хихикнула я, – если бы не ты.

– Видишь, – Мирлай снова широко улыбнулся, – сегодня я оказался полезным. Значит, день прожит не зря.

– Ага, – снизу раздалось недовольное ворчание. – Но лучше бы мы этого наглого мясника наказали. Стащили бы у него кусочек-другой. Так сказать, в знак мести.

Я тайком показала Ваське кулак, но он не унимался.

– Нет, это ж надо такое было придумать. Подкрашивать мясо, чтобы дурить наивных девиц и честных котов.

Я резко кашлянула и сделала вид, что поправляю шарф, одновременно аккуратно переместив рыжую тушку в сторону носком ботинка.

– Не сейчас, – прошипела себе под нос.

– А когда? – не унимался Василий, не обращая внимания на мои манипуляции. – Предлагаю вернуться и все же что-нибудь стащить. Хватит – и за бочку. Потом поздно будет. Момент упущен.

Я снова шикнула на кота. Мирлай бросил на меня удивленный взгляд.

– Ты в порядке?

– Да... – слишком поспешно сказала я и тут же сменила тему: – Чем ты занимаешься... по жизни?

– Я помощник плотника. Недавно переехал сюда и устроился. Можно сказать, повезло. Недолго место искал.

– Значит, работаешь с деревом?

– Кому нужно это дерево, – тут же прокомментировал Василий. – Вот бы он был помощником мясника. Или рыбов ловил, на худой конец. Вот это я понимаю работа.

Я стиснула зубы. Этот кот вообще умеет молчать?

– Мне нравится работать руками. А дерево живое, настоящее. С ним приятно иметь дело. Оно словно отвечает, если уметь слушать. – Тем временем рассказывал Мирлай. – А ты? Чем ты занимаешься, Лиза?

– Я... – я запнулась и задумалась.

Еще вчера я бы начала долгий рассказ об офисе, сделках и дедлайнах. Но сегодня... О своей нынешней жизни я знала примерно столько, сколько Василий о приличиях.

– Я живу с теткой и сестрой. Занимаюсь домом и хозяйством. – Осторожно ответила я то, что успела выяснить.

Мирлай кивнул. Но что-то в его взгляде выдало, что он понял, что доля у меня несладкая.

– А почему ты выбрал именно этот город? У тебя здесь родственники?

– Нет. Просто мне он показался... правильным. Я решил узнать, как это жить в провинциальном городке, далеко от столицы. Где жизнь течет размеренно, никто никуда не бежит. И выбрал Линвель.

– Тебе такое нравится? – удивилась я. В моем мире люди, наоборот, стремились в большие города.

– Я жил в столице, потом много путешествовал, – продолжил Мирлай. – Большие города – шумные, яркие. Но жить там тяжело. А здесь уютно. К тому же иногда полезно оказаться в месте, где тебя никто не знает.

Снег медленно кружился в свете фонарей, и этот город – Линвель – вдруг перестал казаться мне чужим. Мирлаю он нравится. Вдруг и я найду здесь свое место? Только бы разобраться с магом и ненужным браком.

– Сегодня открывается городской каток, – рассказывал Мирлай, – настоящее событие для города. Музыка, огни, горячий сбитень... Весь Линвель будет там. Не хочешь сходить... со мной?

У меня что-то восторженно екнуло в груди. Когда я последний раз была на катке? Кажется, еще в детстве, с подругами.

В другой жизни. Совсем в другой.

Каталась я, между прочим, вполне сносно. И мысль о том, чтобы надеть коньки, встать на лед и мчаться навстречу морозному воздуху – да еще рядом с таким красавцем, как Мирлай, – показалась мне вдруг невыносимо желанной.

Я уже почти открыла рот, чтобы согласиться...

– Ага, пойдет она, как же... – раздалось снизу язвительное бормотание Василия. – Анна-белла ее сразу веником, а потом еще мокрой тряпкой. Как меня. Когда я наделал в угол.

Я закашлялась.

– А я не из вредности, между прочим! – продолжил рыжий. – Просто лапы морозить не хотел!

– Нет, – грустно улыбнулась я Мирлаю. – Вряд ли у меня получится. Тетушка... не очень любит, когда я отсутствую.

Мирлай кивнул.

В этот момент мы как раз подошли к дому.

– Вот тут я и живу, – сказала я, указывая на дверь.

Василий уже нетерпеливо крутился на крыльце.

– Приятно было познакомиться, Лиза, – Мирлай протянул мне корзину.

– И мне, – искренне ответила я.

Он тепло улыбнулся.

– Что ж, до встречи.

– До встречи, – повторила я, не веря, что судьба еще сведет меня с этим красавцем.

Я с грустью смотрела вслед высокому, широкоплечему силуэту, пока он окончательно не растворился среди снежинок. Вдохнула и вошла в дом.

– Ли-и-иза! – раздался уже хорошо знакомый гневный голос тетки.

Что ж, похоже, вечер не будет простым.

7

– Где ты бродишь? – продолжала вопить Аннабелла. – Мы с Нореллой тут голодные сидим! Я тебя не развлекаться посылала! Все купила? Сдачу принесла?

Я молча стащила с себя заснеженное пальто, с трудом стянула промокшие ботинки и тяжело вздохнула.

Снег таял на полу на пару с моим настроением.

Даже Василий сочувственно покачал головой.

– Марш на кухню! – продолжала распыляться тетка. – Да побыстрее! И про пирог не забудь!

Спорить с теткой я не стала. Во-первых, делать мне было все равно пока нечего, а во-вторых... стоило быть поближе к еде.

Это худенькое тельце, в котором я оказалась, явно давно не видело нормального ужина.

Интересно, как так вышло, что Лиза, на которой держалась вся готовка в доме, была такой худой? Мысль оборвалась предательским урчанием в животе. Громким и весьма убедительным.

Я вздохнула и поспешила на кухню. И тут меня ждал сюрприз.

Ни тебе газовой плиты, ни духовки с привычными кнопочками. В центре кухни красовалась большая кирпичная печь. Добротная и, к моей радости, уже растопленная: от нее шел мягкий жар, а в воздухе витал запах дров.

Я растерянно осмотрелась.

– Так... – важно заявил Василий, – вижу, и тут ты без меня пропадешь.

Он начал деловито расхаживать взад-вперед.

– Для мяса вот этот котелок бери, – кивнул он мордой на чугунок. – Этот уже проверенный, в нем ничего не пригорает. А тот, – он махнул хвостом в сторону соседнего, – с характером. В нем всегда каша обижается.

– Что каша делает?

– Обижается, – серьезно подтвердил Василий, – и мстит комками.

Я улыбнулась и взяла рекомендованный чугунок.

– Печь уже в самом соку, – продолжал нравочать кот, – внутрь глубоко не суй, пусть томится у края. И не суетись. Печь суеты не любит.

– Откуда ты все знаешь?

– Я много лет за тобой наблюдаю. Как видишь, с пользой. Раньше ты только меня не слышала.

Я взялась за дело с неожиданным удовольствием. Работа спорилась. Мне показалось, что я приспособилась к новым условиям куда быстрее, чем должна была.

Возможно, это тело помнило. Руки сами тянулись к нужным вещам, словно зная, где они лежат: вот этот нож поострее – для мяса, а вот этим удобнее чистить картошку.

Я не думала, просто делала. Тело подсказывало, как пользоваться непривычной утварью. Где поставить чугунок, чтобы еда томила, а не кипела. Как наклонить крышку. Как держать ухват.

Я порезала картошку и мясо, ровно и быстро, сложила в чугунок и отправила в печь. Никакой паники, никакого «я не справлюсь». Справилась.

– А ты не совсем пропащая... – одобрительно буркнул Василий.

Следом я взялась за рыбу. Почистила, порезала, добавила лук и морковь. Второй чугунок занял место рядом с первым.

Кухня постепенно наполнялась густыми, аппетитными запахами.

Потом я вспомнила про пирог.

Единственный пирог, который я умела готовить, была шарлотка. Порывшись в шкафчиках, обнаружила мешок с сушеными яблоками.

– Судьба, – решила я.

Тесто замесилось легко, без раздумий. Сушеные яблоки легли ровным слоем, и пирог отправился в печь следом за остальным.

Пока еда готовилась, я решила порасспрашивать Василия о важных для выживания мелочах.

– Васька... – начала я.

– Василий Великий, – тут же строго поправил рыжий, даже не повернув головы.

– Хорошо. Василий Великий, а я обычно с теткой и сестрой ужинаю? Или... отдельно?

Кот фыркнул.

– Ты им накрываешь и уходишь. А потом, что остается после их ужина – то твое.

Он на секунду задумался, а затем буднично добавил:

– Но ты видела Аннабеллу. Так что обычно тебе ничего не достается.

– Ясно, – я хмыкнула.

В голове окончательно сложился пазл, почему это тело было настолько худым.

– Что ж, в этот раз буду умнее. Сначала отложу порцию себе. Остальное отнесу тетке и сестре.

Василий покосился на меня вперемешку с сочувствием и уважением.

– Мысль-то, конечно, здравая. Только едва ли Аннабелле такое понравится. У нее разговор с тобой короткий: за волосы – хватать – и таскать.

– Разберусь... – прошептала я, непроизвольно сжимая кулаки.

В душе кипела злость: довели бедную девчонку.

Как решила, так и сделала. Когда еда была готова, переложила жаркое с картошкой – в большую глиняную миску, рыбу – в другую. Пирог выставила на тарелку.

А потом, не терзаясь угрызениями совести, отложила себе порцию: и мяса, и рыбы. И от пирога аккуратно отрезала четвертинку. Больно уж вкусно он пах. Да и мое новое тело определенно нуждалось в дополнительных килограммах.

– Долго ты еще собираешься возиться? – раздался за спиной недовольный голос.

В кухню вплыла Аннабелла. Она придиричливо окинула взглядом стол, но увидев миски, удовлетворенно кивнула.

– Иди накрывай в гостиной.

Я уже было потянулась к посуде, когда тетка вдруг нахмурилась, словно вспомнила нечто важное.

– Так, а где хлеб? – ее голос стал резче. – Ты что, хлеба не испекла?

От такой наглости я моргнула.

– Вот бездельница! И чем только тут занималась?

И тут ее взгляд зацепился за тарелки, оставленные в сторону. За *мои* тарелки.

Глаза тетки потемнели, как море перед штормом. Она угрожающе шагнула в мою сторону.

– Так... а это еще что?

Я непроизвольно сжалась. Вернее, сжалось тело. Быстро, рефлекторно. Оно явно знало, чем обычно заканчиваются такие разговоры.

– Неблагодарная! – тетка набирала обороты. – Вот так и приюти в дом чужое семья! Кормлю, пою, одеваю, а она... воровать удумала!

Ее голос отдавал болью в висках.

– Да я! Я тебя от приюта спасла! А ты! Ты что себе позволяешь?

Аннабелла шагнула ближе. Размахнулась.

Нет.

Второй раз за сегодня я не позволю себя ударить.

Преодолеть страх оказалось сложнее, чем я ожидала. Колени дрогнули, сердце учащенно застучало, а в голове вспыхнуло острое, животное желание просто сжаться и переждать.

Я глубоко вдохнула и расправила спину, насколько это было возможно в этом худеньком, изможденном теле.

И в следующий миг перехватила руку.

Аннабелла явно подобного не ожидала. Ее ладонь замерла в воздухе, пальцы дернулись. Тетка даже не сразу осознала, что произошло.

– Да как ты смеешь? – заверещала она вырываясь. – Отпусти немедленно!

Васька, до этого важно восседавший на стуле, испуганно сполз вниз и, прижав уши, попятился к выходу. Задом, как краб.

– Я, пожалуй, посижу... подальше... – бормотал он.

Я разжала пальцы.

– Это не воровство, – ровно сказала я, поражаясь собственному голосу. – Я приготовила ужин. И взяла себе порцию.

Аннабелла уставилась на меня, словно я заговорила на чужом языке.

– Ты... ты... – она задыхалась, не в силах подобрать слова.

Я же, напротив, ощутила странное спокойствие.

– Я бесплатно работаю на вас. И, полагаю, заслужила куда больше, чем жалкую порцию ужина.

Тетка побледнела, затем начала идти красными пятнами.

– И потом... – я слегка наклонила голову, будто рассуждая вслух, – едва ли моему будущему мужу понравится, когда он узнает, как со мной здесь обращались. Что он скажет, когда увидит, как исхудало мое тело?

Вот тут ярость в глазах Аннабеллы дрогнула... и сменилась испугом. Настоящим, неприкрытым. Кажется, об этом она действительно не думала. А иметь мага во врагах ей явно не хотелось.

– Поэтому, – спокойно подытожила я, – отныне я буду есть полноценно. Столько, сколько сочту нужным. И еще. Я займу одну из пустых спален. Я больше не намерена спать на холодном чердаке.

Тетка беззвучно открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег рыба. Я не торопилась. Пусть переварит. Не только мои слова, но и новую реальность.

Процесс занял подозрительно много времени.

– Ладно... – наконец выдохнула она, выпуская весь воздух из легких. – Так и быть...

Она смерила меня брезгливым взглядом сверху вниз.

– Не дай боги, маг еще откажется от такого... – пробормотала она. – Одна кожа да кости.

И вдруг на лице Аннабеллы расцвела приторная улыбка, словно кто-то щелкнул выключателем.

– Ты права, Лиза. Мы все-таки семья. – Пропела она. – Давай, накрывай. Сегодня поужинаешь со мной и Нореллой.

Глаза Василия, наблюдающего за нами от входа, расширились и превратились в два огромных блюдца.

Я лишь кивнула. А вот возьму... и поужинаю с новыми родственничками.

8

Надо ли говорить, что Норелла была не в восторге, когда я уселась с ними за один стол. Впрочем, мне и самой было не слишком приятно ужинать в их компании.

Но мной руководило лишь одно: желание получить информацию. Именно от этого зависело мое дальнейшее выживание в этом мире.

К счастью, сестрица первой подтолкнула разговор в нужное русло.

– Ну что, – ехидно протянула она, ковыряя вилкой в рыбе, – уже свыклась с мыслью, что будешь жить с толстым стариком, у которого бородавки по всему лицу?

Я заинтересованно подняла глаза.

– А что, ты его видела?

– Нет, – Норелла на мгновение смутилась. – Он недавно приехал в наш город, я его еще не встречала. Но люди говорят.

Я тихо хмыкнула. Опять эти загадочные люди.

– А почему он вообще приехал?

Аннабелла смерила меня недовольным взглядом. Разговор ей явно не нравился.

– Ты что, совсем ничего не знаешь? – сестрица расправила плечи и добавила тону нравоучительные нотки. – В каждой провинции должен быть свой маг. Иначе поля засохнут, дожди для хорошего урожая не пойдут, а людей настигнут болезни.

Я с сомнением приподняла бровь.

– А наш старый маг умер, – продолжила Норелла с мрачным удовлетворением. – Вредный был старикашка, мерзкий.

Она чуть наклонилась вперед и добавила уже шепотом, явно наслаждаясь моментом:

– И вот ему на смену прислали нового. Говорят... еще более старого. И мерзкого.

Я чуть подумала и все же задала вслух вопрос, который не давал мне покоя:

– А этот маг... он правда умеет колдовать?

Норелла ехидно захихикала.

– Вот превратит тебя в лягушку, тогда и узнаем.

– Конечно, правда, – недовольно поджала губы тетка. – Не думала, что ты такая непросвещенная, Лиза.

Я не обратила внимание на колкие замечания и продолжила:

– А почему он невесту себе по крови ищет?

– Хватит! – Аннабелла резко хлопнула ладонью по столу.

Кажется, лимит ее терпения был исчерпан, и обсуждать эту тему она больше не собиралась.

– Твое дело маленькое. Сказали выйти замуж, значит, выйдешь.

– И я скоро выйду, – мечтательно протянула Норелла, откидывая за спину волосы. – Конечно, не за мерзкого мага, а за сына пекаря.

– У тебя же сегодня свидание? – воодушевилась тетушка. К ней вновь вернулось чудесное настроение.

– Да. Мы идем на каток.

Что-то внутри меня сжалось. Эх, вот бы и мне пойти на каток... с Мирлаем.

– Я иду тебя сопровождать, – безапелляционно заявила Аннабелла дочери.

– Ну ма-а-ам... Не надо...

– Не вздумай мне перечить. Твой жених должен понимать, что у нас серьезные намерения. А не просто погулять да за ручку подержаться. За тобой будет сопровождение.

Норелла надула губы, и целую минуту сидела обиженная, уткнувшись взглядом в тарелку.

– Так он быстрее на тебе женится, – продолжала давить Аннабелла. – Он поймет, что ты девушка серьезная и на замужество настроенная.

– Ладно, – нехотя выдохнула Норелла смиряясь.

Остаток ужина прошел в воодушевленных рассуждениях сестрицы. Она с жаром обсуждала, какую шубку надеть: светлую или темную, да какие сапожки будут смотреться выигрышнее.

Аннабелла кивала, давала советы и то и дело добавляла, что сегодняшний вечер непременно станет судьбоносным.

Я же, поняв, что ничего нового для себя больше не услышу, молча занялась самым приятным – горячей едой.

Жаркое было на редкость удачным, рыба мягкой и сочной, а пирог... пирог вообще стоил всех сегодняшних приключений.

Я ела медленно, наслаждаясь каждым кусочком, и ловила себя на мысли, что, похоже, это тело впервые за долгое время насыщается.

И пусть за столом витали чужие мечты и планы, у меня был собственный праздник – теплый и сытный.

После ужина посуду пришлось мыть, конечно же, мне.

Я подошла к печи, поставила чугунок и подождала, пока вода погрееется. Развела в тазу, закатала рукава, и руки сами взялись за дело. Движения выходили уверенными и привычными.

Когда с кухней было покончено, я устроила демонстративный переезд.

Аннабелла наблюдала за тем, как я спускаю с чердака свои пожитки, сжав губы в тонкую линию. Но перечить не стала. Видимо, мысль о недовольном маге оказалась для нее весьма убедительной.

Переезд занял от силы минут пять. Вещей у Лизы оказалось до смешного мало: пара комплектов ветхого белья, одно сменное платье да несколько ленточек для волос. Вот и все богатство.

Я оглядела скромную кучку на кровати и хмыкнула.

Норелла и Аннабелла продолжали собираться на каток. Шуршали платьями, позвякивали украшения, хлопали двери.

Наконец, я осталась одна.

Заправила постель свежим бельем, умылась, расплела косу и улеглась спать. Но... мысли все никак не унимались.

Может ли такое быть, что завтра я проснусь и окажусь в своем мире? Я задумалась... а хочу ли я этого?

Этот мир пугал меня. Брак с магом нависал тяжелой грозовой тучей, а тетка и сестрица вызывали желание держаться подальше. И все же, логике вопреки, мне здесь нравилось.

С болтуном Васькой. Со снегом за окном. И... с Мирлаем. Увижу ли я его снова?

Что-то тихо стукнуло по окну, словно в стекло ударился мелкий камушек. Я нахмурилась. Показалось?

Через несколько секунд звук повторился.

Я поднялась, накинула на плечи плед и подошла к окну.

Внизу, широко улыбаясь, стоял Мирлай.

9

Я широко распахнула окно, не забываясь о холоде, и свесилась вниз. Крупная снежинка тут же опустилась на кончик носа.

– Что ты здесь делаешь? – крикнула я.

Сердце, при виде Мирлая, пошло в пляс.

– Решил, что ты все-таки должна пойти со мной на каток, – невозмутимо ответил он, словно стоять ночью под окнами девушки, было для него делом привычным.

– Прямо сейчас?

– Ну а почему нет?

Я на секунду замолчала. А почему действительно нет? Тетка с Нореллой ушли. Дом пуст. А значит, у меня есть возможность ненадолго улизнуть. Главное, вернуться до их возвращения.

– Но у меня нет коньков! – крикнула я.

Мирлай довольно усмехнулся и поднял руки. В лунном свете блеснули узкие металлические лезвия, приделанные к кожаным ремням.

– Я все предусмотрел, – заявил он и слегка потряс «коньками», так что те весело звякнули. – У тебя нет ни одной причины отказаться. Спускайся.

Я несколько секунд смотрела вниз, чувствуя, как в груди жаром разливается азарт и предвкушение.

– Ладно! – наконец решилась я и поспешно захлопнула окно.

Оделась я быстро. Натянула теплые колготки, влезла в платье – кажется, уложилась в рекордные десять секунд.

Василий сидел на кровати и задумчиво наблюдал за моими метаниями.

– Если ты меня спросишь, – философским тоном протянул он, – то я скажу, что идти с Мирлаем, конечно же, стоит. Даже несмотря на то, что ты почти невеста старого мага.

При упоминании нежеланного брака я непроизвольно поежилась.

– Но чуют мои кошачьи лапки... что ничем хорошим это не закончится.

– Не наговаривай, – отмахнулась я, торопливо заплетая волосы в косу.

– Я просто предупреждаю, – важно продолжил рыжий. – Потом не кричи и не зови на помощь: «Василий Великий, миленький, спасай».

Я только фыркнула в ответ. Сбежала по ступенькам, внизу наспех натянула ботинки, пальтишко, обмотала шею шарфом и выскользнула наружу.

На крыльце меня уже ждал Мирлай.

– Ну что, готова к небольшому приключению?

Я завороченно кивнула, на секунду утонув в его голубых глазах, в которых плескались искорки веселья.

– Тогда побежали.

Он схватил меня за руку – легко, уверенно, словно это было самым естественным жестом на свете – и потянул за собой.

Мы бежали по узким улочкам, спеша к городской площади.

– Будет концерт уличных музыкантов, – весело бросил Мирлай через плечо. – Местные говорят, что их действительно стоит послушать.

Я прибавила шаг.

Было в этом беге что-то совершенно ребяческое, почти забытое. Словно я снова оказалась в детстве, где нет тревог, мыслей о завтрашнем дне и нежеланном браке.

Морозный ветер щипал щеки, дыхание вырывалось облачками пара, а снежинки налипали на ресницы. Но все это не мешало любоваться полной луной, нависшей над городом, и ее холодным светом, который делал все нереальным.

Все вокруг казалось сказочным, уютным и добрым.

И вот впереди показались огни катка. До нас донесся смех людей. Звонкий и заразительный. А затем первые аккорды музыки.

Веселая и быстрая мелодия подгоняла нас вперед.

Мы остановились у небольшой палатки, откуда тянуло пряным теплом и сладковатым ароматом меда и специй. За прилавком хлопотала румяная продавщица в шерстяной шали.

Мирлай протянул несколько монет. Через мгновение в его руках оказалось два дымящихся стакана.

– Безалкогольный сбитень, – он протянул мне один, – ты просто обязана это попробовать.

Я осторожно взяла горячий напиток, согрелая пальцы, и сделала глоток. Сбитень оказался густым, медовым, с нотками корицы.

Мы двинулись дальше уже шагом, растворяясь в толпе. Люди вокруг смеялись, переговаривались. Кто-то тянул детей за руку, кто-то нес под мышкой коньки. Музыка стала громче.

Ритм барабанов перекачивался по площади, вплетаясь в звонкую мелодию скрипки. Вместе они создавали странную, но удивительно живую музыку. От нее улыбка сама собой расплзалась по губам, а ноги так и просились пуститься в пляс.

Мы устроились на длинной деревянной лавочке у края катка. Лед поблескивал в свете фонарей, отражая огни.

Мирлай опустил у моих ног и разложил ремешки с лезвиями.

– Я тебе помогу, – сказал он.

Это были не те аккуратные, удобные коньки, к которым я привыкла в своем мире. Узкие металлические лезвия крепились к ботинкам ремнями. Это выглядело просто и... ненадежно.

Мирлай уверенно затянул ремни, проверил крепления.

– Готово, – сказал он, подавая мне руку. – Главное – не спеши.

Я осторожно поднялась. Стоило выйти на лед, как ноги тут же поспешили разъехаться в стороны.

– Ой! – воскликнула я, судорожно хватаясь за бортик.

Лед был очень скользким, а тело не таким послушным, как хотелось бы.

Мирлай тем временем прикрепил лезвия себе и вышел на лед.

– Держись за меня, – сказал он и, взяв меня за руку, притянул к себе.

Он был так близко, что я различала его горячее дыхание у себя на щеке. И странное дело – вся моя неуверенность и страх испарились.

– Все хорошо, я рядом, – прошептал Мирлай, и от этих слов мое тело обдало жаром.

Первые скольжения мы делали вместе. Медленно и осторожно. Мирлай крепко держал меня за руку.

Лезвия тихо скрипнули, когда я неуверенно перенесла вес с одной ноги на другую.

– Не смотри под ноги. Просто чувствуй.

Я сделала шаг, еще один. Сначала движения выходили рваными, неловкими, тело еще не до конца слушалось.

Но очень скоро у меня начало получаться. Шаги стали плавнее. Скользящие движения длиннее.

Лед и непривычные коньки больше не пугали.

Ветер хлестал по щекам, а сердце билось все быстрее. От скорости и восторга. Я рассмеялась.

Неожиданно даже для себя.

– Смотри-ка, – улыбнулся Мирлай. – Ты уже почти летишь.

И правда. Мы ехали рядом, держась за руки, иногда чуть ускоряясь, иногда сбавляя темп. Я чувствовала себя свободной и живой.

Мы смешались с толпой. Сделали несколько кругов.

Но очень скоро я, смеясь, подняла руки:

– Пощади. Мое тело оказалось к такому счастью не готово!

– Идем! – Мирлай увлек меня к выходу и помог усесться на одну из многочисленных лавочек. – Не двигайся. Я сейчас.

Он исчез в людском потоке, а я вытянула гудящие ноги и блаженно прикрыла глаза. Мышцы этого хрупкого тела ныли с непривычки. Но это была приятная боль.

Мирлай вернулся быстро, протянул мне теплый стаканчик со сбитнем. Я обхватила его ладонями, согревая пальцы, и именно в этот момент заметила это.

Вдалеке под полной луной, возвышался замок.

Он казался нереальным – темный силуэт с острыми башнями, словно вырезанный из ночного неба. Снег серебрился на крышах, окна отражали лунный свет.

– Какой красивый, как из сказки, – вырвалось у меня. – Чей это замок?

– Мага.

Сердце сжалось. Я сделала глоток сбитня, но сладость вдруг показалась приторной.

«Значит, – пронеслось в голове. – Мне предстоит там жить?»

– А какой он? – тихо спросил я, не отрывая взгляда от замка. – Этот маг... Ты его видел? Мирлай пожал плечами.

– Нет, говорят, новый только недавно приехал в город.

Я помолчала, собираясь с мыслями, а потом как можно небрежнее спросила:

– Ты слышал, он ищет невесту?

Мне совсем не хотелось уточнять, что одной – и скорее всего единственной – из претенденток стала я. Не сейчас, не здесь.

– Да, – Мирлай кивнул. – Слышал.

Я глубже вдохнула морозный воздух.

– А почему... – я замялась, подбирая слова, – почему он ищет ее по крови?

Мирлай удивленно посмотрел на меня, поражаясь моей неосведомленности. Сел рядом, поставив стаканчик со сбитнем на лавку, и задумчиво потер ладонями колени.

– Ну ты же знаешь... магов осталось совсем немного. Магия постепенно уходит из этого мира.

Я покачала головой, давая понять, что мне это неизвестно.

– Двести лет назад вышел королевский указ, – продолжил он, – с тех пор магам позволено выбирать себе пару только среди тех, в ком есть хоть капля магии. Иначе дар просто исчезнет. Детей без силы стало рождаться слишком много.

На секунду мое сердце пропустило удар. Капля магии...

Это значит, она во мне есть?

Я медленно кивнула, побуждая Мирлая рассказывать дальше.

– Поэтому маг сперва ищет пару в своей провинции. За которой он закреплен. Таковы правила. Но если подходящей пары не находится, поиски продолжаются уже в других землях.

– Пару... это значит, что могут искать и жениха?

– Бывает и такое, но редко. Дар, как правило, передается по мужской линии. Отсюда и вечные поиски невест.

– А почему магов все так не любят... и боятся? Они правда все такие... страшные?

Мирлай усмехнулся. Негромко, без веселия.

– Не думаю, – покачал он головой. – Просто люди боятся того, чего не понимают. Когда рядом живет человек, который богат, властен, да еще и может колдовать... – Мирлай развел руками. – То людская фантазия быстро дорисовывает разное... И жестокость, и темные обряды, и чужую кровь на руках. К тому же прошлый маг в этой провинции действительно был... не самым приятным человеком.

– Что он делал? – хрипло спросила я.

Мирлай помедлил с ответом, словно взвешивая слова.

– Ему нашли жену. По крови, как полагается. Говорят, он обращался с ней плохо. Даже поколачивал.

У меня внутри что-то болезненно сжалось.

– Однажды она сбежала. Добралась до города, пришла к родителям и попросила помощи... – голос Мирлая стал тише. – Но те испугались. Вместе с соседями выдали дочь обратно магу.

Я судорожно втянула воздух.

– С тех пор ее больше никто не видел. Одни уверяют, что она все-таки сумела снова сбежать, в этот раз в столицу. Другие говорят... – он замолчал, а потом глухо закончил: – что маг ее попросту убил.

По коже пробежали мурашки, не имеющие ничего общего с холодом. Я медленно подняла взгляд и посмотрела туда, где под луной темнел силуэт замка.

Он больше не казался сказочным. Теперь скорее хищным.

– Прости, если напугал тебя, – Мирлай легко коснулся моих пальцев, и я вздрогнула от неожиданности. – Я был уверен, что ты знаешь эту историю.

Я отрицательно мотнула головой и выдавила слабую улыбку.

– Видимо, она прошла мимо меня.

Мирлай серьезно кивнул. В его глазах мелькнула... грусть.

– Не стоило мне ее рассказывать... – Мы помолчали. – Не хочешь еще покататься?

Он стряхнул снежинки с моего шарфа, и от этого жеста стало неожиданно приятно.

– Хочу, – ответила я.

И постаралась выгнать из головы все неприятные мысли. В конце концов, жить нужно здесь и сейчас. Я на катке, в компании красивого мужчины.

О неприятном маге я подумаю завтра.

Мы снова вышли на лед, вливаясь в толпу катающихся. Людей заметно прибавилось, каток жил своей праздничной жизнью.

Музыканты заиграли особенно бодрую мелодию, такую, что ноги сами ускорились, подстраиваясь под ритм.

После третьего круга я окончательно расслабилась и вновь начала наслаждаться вечером. Холодом, смехом, скрипом лезвий об лед.

И именно в этот момент я поняла, что расслабилась слишком сильно.

Я слушала Мирлая, который что-то рассказывал прямо на ходу, улыбаясь и ловко лавируя между людьми. Я повернула голову к нему...

А в следующее мгновение резко посмотрела вперед.

Прямо по моему курсу, медленно и шатко, – выбиваясь из общего потока – ехала знакомая компания.

Аннабелла и Норелла, цепляющаяся за руку плотного, розовощекого мужчины. Это был сын пекаря. Сомнений не было.

Они двигались неуклюже и... очень медленно.

А я – слишком быстро.

Я осознала это мгновенно. Поняла, что не успеваю, ничего сделать.

Мои глаза широко распахнулись от ужаса.

Я летела прямо на них.

10

Я не успела даже вскрикнуть.

Мирлай среагировал быстрее. Он резко схватил меня за руку и притянул к себе.

Это случилось так быстро, что мир качнулся, а лед едва не ушел из-под ног. Но Мирлай удержал меня.

Я пронеслась в опасной близости от Аннабеллы – так близко, что край ее шубы хлестнул мне по ногам.

В спину раздался поток злобных ругательств.

К счастью, похоже, тетка не узнала меня со спины. Да и едва ли она могла пропустить мысль, что покорная племянница сейчас тоже среди веселой толпы.

Мирлай уверенно увел меня к бортику и остановился, закрывая ото всех широкой спиной.

– Ты в порядке? – спросил он, тревожно вглядываясь мне в лицо.

Я на несколько секунд зажмурилась, возвращая ровное дыхание.

– Да, – выдохнула, наконец

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.